

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
----------------	---

Глава I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК	23
---	----

§ 1. Экспедиция А. Бековича-Черкасского и память о ней в отношениях России с государствами и народами Средней Азии	24
§ 2. Место Средней Азии в проектах по торговле России с Индией (XVIII — первая половина XIX в.)	35
§ 3. Бухарцы перед российским законом и судом	43
§ 4. Экономические санкции как инструмент международно-правовых отношений России и Хивы	53
§ 5. Средняя Азия в русских торговых проектах середины XIX в. (правовые аспекты)	65

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	72
---	----

§ 1. Договоры 1868 и 1873 гг. в оформлении нового статуса среднеазиатских ханств	72
§ 2. Инкорпорация правителей среднеазиатских ханств в состав российской правящей элиты	81
§ 3. Правовые основания использования российских войск в протекторатах	88
§ 4. Начальник Амударьинского военного отдела — русский «политический агент» в Хиве	96

Глава III

НА СОБСТВЕННОМ ПРИМЕРЕ: РОССИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ИХ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ	106
---	-----

§ 1. Налоговые реформы в Русском Туркестане и их последствия для среднеазиатских ханств	107
§ 2. Правовое положение российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве	116
§ 3. Особенности правового статуса российских поселений в ханствах Средней Азии	124

§ 4. Российский суд в Бухарском эмирате	137
§ 5. «Женский вопрос» в Русском Туркестане и ханствах Средней Азии	149
§ 6. Правила производства и продажи алкогольной продукции в Бухаре: механизм распространения правовых норм для русских владений на территорию протектората	158

Глава IV

ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКТОРАТА	165
§ 1. Регулирование водопользования как инструмент политики Российской империи в ханствах Средней Азии.....	165
§ 2. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи.....	183
§ 3. Фиксация курса таньги как инструмент финансово-правовой политики России в Бухаре и Хиве на рубеже XIX–XX вв.	197
§ 4. Реорганизация вооруженных сил Бухарского эмирата и Хивинского ханства.....	211
§ 5. Деятельность российской полиции в Бухаре в начале XX в.	218

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В РЕГИОНАХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ	224
§ 1. Правовая политика Российской империи на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)	224
§ 2. Среднеазиатское восстание 1916 г. как основание для упрочения контроля Российской империи над Бухарой и Хивой	243
§ 3. Вопрос о правовом статусе ханств Средней Азии в политике Временного правительства	255

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ В ОЦЕНКАХ БУХАРСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ	274
--	------------

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	291
-------------------------------	------------

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	292
Архивные источники	292
Опубликованные источники и литература	292

Должен обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что на всем протяжении наших границ в Азии в наших действиях нет, можно сказать, единства, нет той последовательности, которые необходимы для хода дел и которые, безусловно, принесли бы нам большие выгоды, если бы у нас был более совершенный план действий.

Кн. А. Чарторыйский

ВВЕДЕНИЕ

Процессы интеграции на евразийском пространстве, столь активно происходящие сегодня, отнюдь не связаны с сиюминутными политическими или экономическими интересами лидеров государств, которые в этих процессах участвуют. Формирование единого экономического и политического пространства в Евразии — процесс объективный и, можно сказать, предопределенный, о чем свидетельствуют многочисленные примеры объединений на просторах Евразии самых разных стран и народов в различные периоды истории. Можно вспомнить «степные империи» Древнего мира и раннего Средневековья (державы Хунну и Тюркский каганат), конечно же — империю Чингис-хана и его преемников, а также — более близкую к нашей отечественной истории Золотую Орду. Свообразным геополитическим преемником Золотой Орды стало Московское государство, которое сменила Российская империя и, наконец, Советский Союз. Безусловно, все эти объединения имели значительные недостатки, что и сегодня вызывает немало критики в их адрес. Однако вместе с тем они имели и определенные достоинства, преимущества для стран и народов, в них входивших.

Данная монография посвящена правовым аспектам интеграции на евразийском пространстве в эпоху Российской империи. В последние годы интерес к этому периоду существенно возрос. При этом спектр мнений относительно роли России в развитии государств и народов Центральной Азии весьма широк — от безусловного одобрения и оправдания любых действий имперских властей в целях установления и поддержания контроля над странами и народами региона до столь же полного их осуждения, обвинения в колонизаторстве, попытках уничтожения национальной самобытности, традиционной культуры и проч. На наш взгляд, такой разброс мнений, нашедших отражение в огромном множестве исследовательских, научно-популярных и публицистических работ, свидетельствует о том, что Российская империя сыграла весьма важную роль в правовом развитии стран и народов Центральной Азии, и изучение опыта ее политики в этом регионе является весьма востребованным.

Исследования политики Российской империи в Центральной Азии имеют давнюю историю: они стали появляться еще в первой половине XIX в., и со временем интерес к этой тематике только возрастал. При этом в некоторых трудах, появившихся в тот период, находили отражение и вопросы государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств — в частности, в исследованиях Н.В. Ханыкова, С. Руссова и ряда других. Однако большинство исследовательских работ по данной тематике появляется уже в процессе и после установления российского протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Первые работы о Бухаре эпохи протектората Российской империи появились уже в 1870-е годы. Среди их авторов были российские чиновники Н. Стремоухов, А.П. Хорошхин, Г.А. Арендаренко (Арандаренко), А. Губаревич-Радобыльский, лично побывавшие в эмирате. Фундаментальное исследование, содержащее подробный анализ всех сторон жизни Бухарского эмирата (в том числе политической, правовой, экономической и проч.), было проведено российским чиновником и исследователем Д.Н. Логофетом в начале XX в. — в связи с тем, что в это время вновь был поднят вопрос об окончательном присоединении Бухарского эмирата к Российской империи [Логофет, 1911а; 1911б]. О Хиве под российским протекторатом писали Н.И. Веселовский, А.Л. Кун, Ф.И. Лобысевич, К. Гиршфельд. Кратковременный период нахождения Кокандского ханства под российским протекторатом (1868–1876) нашел отражение в работах того же А.Л. Куна, В.П. Наливкина и др. Общий обзор российских контактов со среднеазиатскими ханствами в XVI–XIX вв. осуществил С.В. Жуковский [Жуковский, 1915].

В советский период исследованием истории Бухары, Хивы и Коканда занимались Д.Ю. Арапов, Т.К. Бейсембиев, С.З. Зиманов, Б.И. Искандаров, А.И. Ишанов, Л.Г. Левтева, Р.Н. Набиев, Х. Пирумшоев, В.М. Плоских, И.В. Погорельский, А.С. Садыков, А.А. Семенов, О.А. Сухарева, Т.Г. Тухтаметов, А.П. Фомченко, Н.А. Халфин, М.Ю. Юлдашев.

В постсоветский период проблемы истории отношений России со среднеазиатскими ханствами исследовали С.Н. Брежнева, Б.М. Бабджанов, Т.К. Бейсембиев, А.Д. Васильев (взаимоотношения среднеазиатских ханств с Османской империей и позиция России в связи с ними), Т.В. Котюкова, М. Ниязатов, О.А. Соловьева, А.С. Эрки-

нов, а также авторский коллектив (С.Н. Абашин, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов и др.), подготовивший фундаментальное исследование о взаимоотношениях России со Средней Азией в конце XVIII — начале XXI в. [Россия, 2011а; 2011б]¹. К авторам, которые изучают Бухарский эмират и Хивинское ханство в период XIX — начала XX в., относятся, в частности, А.И. Пылев и отчасти В.Л. Генис, причем последний, сосредоточивается на событиях, предшествующих падению Бухары и Хивы как самостоятельных ханств, т.е. преимущественно 1917–1920 гг. Кроме того, ряд авторов рассмотрели взаимоотношения Российской империи и ханств Средней Азии (затронув и их правовой аспект) в рамках анализа политико-правового развития Туркестанского края — можно назвать, в частности, работы Ф.Т. Тухатметова, Е.А. Глущенко, Е.Ю. Сергеева, Д.В. Васильева.

Можно также отметить, что в последние годы в России и постсоветских государствах Средней Азии (Узбекистане и Таджикистане) защищено значительное количество диссертаций по истории нахождения Бухары, Хивы и Коканда под российским протекторатом (см., например: [Бороздин, 2012; Давронов, 1990; Егоренко, 2008; Еров, 2005; Каюмов, 2005; Маткаримова, 2010; Топилдиев, 2009]). Однако большинство из них также посвящено вопросам политической истории или экономическому развитию, правовые же аспекты затрагиваются чаще всего косвенно, и даже юридические памятники в таких исследованиях используются преимущественно как исторические источники.

Западная историография по рассматриваемой проблематике начала складываться в основном во второй половине XIX в. в связи с «Большой игрой» — соперничеством Российской и Британской империй за контроль над Центральной Азией в середине XIX — начале XX в. К числу наиболее известных относятся труды У.Э. Бакстера, Дж.У. Букволтера, У.Э. Кертиса, Дж.Н. Керзона, Дж. Добсона, Г. Ланделла, Г. Норманна, О. Олуфсена, Ю. Скайлера и др. Отметим, что многие из этих авторов лично побывали в Средней Азии (Русском Туркестане, Бухаре и Хиве) и, следовательно, их работы могут также считаться и свидетельствами очевидцев, т.е. источниками. Принимая во внимание факт многолетнего противостояния России со странами Запада

---

¹ Также к данной тематике относятся и отдельные работы членов авторского коллектива данной книги (например: [Бабаджанов, 2004; Germanov, 2007]).

в Центрально-Азиатском регионе (особенно — с Англией), не приходится удивляться преимущественно негативным оценкам российской политики в этом регионе со стороны европейских и американских авторов, обвинению российских властей в «колониаторстве», навязыванию своих политических и правовых институтов среднеазиатским государствам, подавлению местных традиций и проч.

В XX — начале XXI в. западные авторы в большей степени сосредоточиваются на изучении «Русской Средней Азии», т.е. Туркестанского края в период Российской империи или же среднеазиатской политике Российской империи в целом². Лишь отдельные исследователи (в частности, С. Беккер, А. Франк и Э. Каррер д'Анкосс) посвящали специальные труды российским протекторатам — Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству.

В 1990-е годы в западной науке начинает развиваться новое направление изучения «имперской истории» России. Его представители предпочли отказаться от «колониационной» парадигмы (в западном понимании этого термина) и характеристики Российской империи как «тюрьмы народов», начав изучение ее как «полиэтнической империи», в развитии которой учитывалось национальное своеобразие отдельных народов и национальных окраин. В рамках этого направления наибольший интерес представляют работы А. Каппелера, Д. Бёрбанк, С. Беккера, Э. Каррер д'Анкосс, А. Эткинда. Этот подход позаимствовали также и отечественные авторы, которые в его рамках стараются подчеркнуть несхожесть политики европейских колониальных империй (в первую очередь Британской) и России и, приходя к выводу, что Российская империя не проводила колониаторской политики в отношении своих национальных окраин. Этот подход нашел отражение, в частности, в трудах С.В. Лурье, В.В. Трепавлова, Н.Е. Бекмахановой, С.И. Каспэ и др. Исследуя особенности формирования и функционирования России как «многонациональной империи» в целом, эти авторы рассматривают наравне с другими национальными регионами также Казахстан и Среднюю Азию, находя в российской политике по отношению к этим регионам как черты, характерные для имперской национальной политики, так и особенности, объясняемые их спецификой. При этом одни исследователи в

---

² Наиболее ярким примером такого подхода является исследование британского специалиста А. Моррисона [Morrison, 2008].

большей степени сосредоточиваются на анализе функционирования в указанных регионах имперских властных институтов (А. Каппелер, Н.Е. Бекмаханова), другие — на особенностях развития права и суда (Д. Бёрбанк), третьи — на проблемах понимания подданства (С. Беккер, В.В. Трепавлов).

Большинство исследовательских работ посвящено вопросам политического и экономического взаимодействия России со странами и регионами Центральной Азии. Также рассматриваются проблемы взаимодействия в социальной, культурной и религиозной сфере. Вопросы правового развития государств и народов Центральной Азии затрагиваются в незначительной степени и, опять же, в контексте их общеполитического и социально-экономического развития. Вместе с тем следует отметить, что вопросы правового развития Бухары и Хивы в период российского протектората не получили широкого освещения в исследовательской литературе. Безусловно, они затрагивались, однако преимущественно в отчетах российских чиновников, либо же в общих трудах по истории всего региона или отдельных его стран. К числу таких исследований можно отнести работы российских чиновников дореволюционного периода Л.Ф. Костенко, Е.Л. Маркова, А.А. Семенова, советских историков-востоковедов П.П. Иванова, А.Л. Троицкой, современных исследователей Д.Ю. Арапова, Б.М. Бабджанова, Э.Э. Каримова, М. Ниязматова и др. Ценность их работ повышается еще и за счет того, что они в рамках своих исследований вводят в оборот правовые документы Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, осуществляя и их русский перевод.

Что касается специальных работ по истории государства и права ханств Средней Азии (в том числе и в период протектората), то единственное известное нам фундаментальное исследование (а также ряд научных статей) по этой тематике принадлежит Ю.Ф. Луневу [Лунев, 2004; 2009а; 2009б]. Однако он в большей степени рассматривает право Бухары, Хивы и Коканда в общем контексте мусульманского права, не учитывая ни тюрко-монгольских традиций, ни чингизидского (монгольского имперского) правового влияния.

Влияние же Российской империи на правовое развитие Центрально-Азиатского региона, насколько нам известно, предметом специальных исследований не являлось вообще. Данная монография представляет собой попытку хотя бы отчасти восполнить этот пробел. В рамках проведенного исследования были изучены различные аспек-

ты правового взаимодействия Российской империи с государствами Центральной Азии — в первую очередь с Бухарским ханством (эмиратом) и Хивинским ханством. Три первые главы посвящены трем основным этапам развития этого взаимодействия и включают изучение их различных аспектов, позволяя оценить развитие правовой политики Российской империи в Центрально-Азиатском регионе.

В первой главе дана характеристика международно-правовых связей России с ханствами Средней Азии и их отдельными представителями с начала XVIII до середины XIX в. Этот период можно охарактеризовать как «эпоху накопления знаний» России о Центрально-Азиатском регионе. К началу XVIII в. российские власти имели весьма туманные представления о среднеазиатских государствах и народах, их государственном устройстве, правовой системе, обычаях и традициях. Незнание и непонимание специфики политико-правового развития ханств Средней Азии, а также великодержавные амбиции ранней Российской империи привели к ряду трагических ошибок при выстраивании отношений с Бухарой и Хивой — наиболее значительной из них стало уничтожение экспедиции князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г., оказавшее значительное влияние на выстраивание международно-правовых отношений России со среднеазиатскими ханствами в дальнейшем. Не сумев установить власть над среднеазиатскими ханствами, Российская империя в большей степени стала уделять внимание развитию торговли со Средней Азией, но и на данном направлении довольно долго не было четкой правовой политики, поскольку в течение почти всего XVIII в. Средне-Азиатский регион рассматривался всего лишь как «перевалочный пункт» для торговли со «сказочной» Индией. Лишь ближе к середине века российские власти осознали перспективность самой Средней Азии для российской торговли и закрепили особый правовой статус среднеазиатских торговцев (в русской правовой традиции — «бухарцев») на территории России в надежде на то, что монархи Средней Азии в ответ предоставят аналогичные льготы и привилегии русским купцам в своих владениях. Однако этого не произошло, и враждебные действия среднеазиатских ханов против русских торговцев и даже дипломатов заставили имперскую администрацию прибегать к экономическим санкциям против ханств Средней Азии. Однако, как будет показано ниже, и в данном случае российские власти не вполне учли специфику политико-правового устройства среднеазиатских государств, так что эти

меры — весьма эффективные в европейской правовой практике — имели куда меньший эффект, чем ожидалось при их реализации.

Вторая глава посвящена следующему этапу российской правовой политики в Средней Азии во второй половине XIX в. — процессу установления и развития системы протекторатов, в число которых попали три крупнейших государства региона: Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. К этому времени в России, благодаря многочисленным поездкам дипломатов, торговцев и ученых, был накоплен значительный объем знаний о Средне-Азиатском регионе, его странах и народах, государственности и праве, экономическом состоянии и социальном устройстве. Это отразилось и на отношениях Российской империи с ханствами Средней Азии, при выстраивании которых имперские власти уже начали отходить от «европейских» принципов международно-правовых отношений и использовать в отношении с монархами региона те же принципы и нормы, которыми руководствовались сами местные правители. Попытки решения проблем чисто дипломатическими и экономическими методами стали чередоваться с военными действиями. В результате значительная часть территории среднеазиатских ханств вошла непосредственно в состав Российской империи (они составили Туркестанский край), а сами эти государства попали под имперский протекторат. Правовыми последствиями этих действий стали: интеграция восточных монархов (фактически вассалов России) в имперскую сановную элиту, возрастание роли российских дипломатических представителей в самих ханствах. Вместе с тем среднеазиатские протектораты получили возможность опираться на военную поддержку покровительствующей им империи: российские войска неоднократно использовались в ханствах для решения их внутренних проблем.

Третья глава посвящена анализу правовой политики имперских властей в своих среднеазиатских владениях, а также в отношении российских подданных и российских поселений в среднеазиатских ханствах — в той мере, в какой эта политика могла служить примером для протекторатов. Население Бухары и Хивы, проживавшее по соседству со своими соплеменниками в Русском Туркестане, русскими «анклавами» в Бухаре или русскими торговцами в Бухаре и Хиве, имело возможность в повседневных условиях оценить преимущества российского управления и права и целесообразность заимствования их принципов и норм самими ханствами — как, например, происхо-

дило в налоговой сфере. Кроме того, в ряде случаев правовые нормы, действовавшие в русских владениях (в том числе и в «анклавах») со временем стали распространяться и на территорию самих ханств — под предлогом защиты интересов русских подданных в отношениях с местными жителями. В рамках исследования эта тенденция рассмотрена на примере изменения статуса женского населения в Средней Азии, а также регулирования производства и распространения алкогольной продукции.

В четвертой главе анализируются инструменты российского влияния на правовое развитие среднеазиатских государств. Специфический статус ханств (формально продолжавших сохранять независимость) не позволял России открыто распространить на них принципы имперского управления и правового регулирования. Соответственно, приходилось использовать средства и методы «косвенного влияния». Специфика хозяйственной деятельности ханств позволила российским властям укрепить свое влияние и добиться упрочения контроля над Бухарой и Хивой путем регулирования такой, казалось бы, специфической сферы, как водопользование. Не менее специфическим (но от этого не менее эффективным) средством влияния России в ханствах стала реорганизация их вооруженных сил. По мере расширения российского политического и экономического присутствия в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве власти империи стали предпринимать все более решительные меры по интеграции протекторатов в российское политико-правовое и экономическое пространство. Это привело сначала к включению Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи в конце XIX в., а затем — и к попыткам «валютного объединения» на рубеже XIX–XX вв. Все эти действия, характерные и для современных процессов экономической интеграции, подчеркивают ценность изучения исторического опыта подобных объединений на евразийском пространстве в прошлом.

В последней главе анализируются ситуации, когда средства и методы, разработанные и эффективно применявшиеся имперской администрацией для влияния на политико-правовое развитие ханств Средней Азии, оказывались неактуальными. Причиной тому мог быть особый статус того или иного региона, что рассмотрено на примере Западного Памира, который в 1895 г. формально вошел в состав Бухарского эмирата, но фактически находился под контролем российских военных властей.

Другой причиной необходимости изменить средства и методы правового влияния в среднеазиатских протекторатах являлись чрезвычайные обстоятельства, в которых требовалось принимать более решительные меры для сохранения контроля российской администрации в Бухаре и Хиве. Наиболее сложная ситуация сложилась в 1916 г., когда практически всю территорию «русской Средней Азии» охватило мощное восстание. Имперской пограничной администрации пришлось временно прекратить сохранять видимость невмешательства в дела Бухары и Хивы и фактически ввести в них российское военное правление, чтобы не допустить участия в восстании и местного населения. Меры оказались эффективными, но уже в следующем году в России произошла революция, к власти пришло Временное правительство, которое, в свою очередь, постаралось сохранить контроль над Бухарой и Хивой, вместе с тем провозгласив курс на проведение в них радикальных политических и правовых реформ.

В качестве заключения автор приводит анализ оценок российского протектората представителями бухарской элиты конца XIX — начала XX в., которые, как представляется, позволяют увидеть, насколько имперское влияние на правовое развитие Бухарского эмирата нашло отражение не только в формировании правовых институтов, регулировании правоотношений, но и в политико-правовом сознании представителей местного населения.

Таким образом, целью настоящей книги является анализ средств и методов правовой политики Российской империи в Центральной Азии и выявление степени ее влияния на правовое развитие государств этого региона, нашедшее отражение как на международно-правовом уровне (прежде всего, в отношениях с той же Россией), так и во внутренней политике местных правителей, в повседневных правозначимых отношениях жителей среднеазиатских государств.

Исследование «русского фактора» в правовом развитии ханств Средней Азии до и после установления имперского протектората является важным и актуальным направлением, тем более что имеется достаточно широкий круг источников, позволяющих всесторонне и объективно исследовать и оценить этот процесс и большое количество исследовательских работ, положения которых можно критически анализировать или развивать в соответствии с выбранной тематикой.

В связи с этим нельзя не отметить, что в процессе проведения исследования автор не ограничивался только источниками и литера-

турой, посвященной политике Российской империи в Центральной Азии. Понять причины тех или иных юридически значимых действий, принятия нормативных актов, равно как и степень их актуальности в конкретный период невозможно без знания политических и правовых процессов в самой России в это время. Именно поэтому привлекался широкий круг исследований, относящихся к истории различных отраслей права и правовых институтов в Российской империи на том или ином этапе ее существования.

Автор при проведении исследования опирался на теорию фронтальной модернизации, в соответствии с которой Российская империя в рамках своей политики стремилась повышать уровень развития окраин до уровня наиболее развитых регионов империи с целью эффективной интеграции окраин в имперское политическое, правовое, экономическое, культурное пространство. Эта теория получила развитие в начале XXI в. в рамках уральской исторической школы, которая в течение ряда лет применяет некоторые положения теории фронта, созданной Ф.Дж. Тёрнером на рубеже XIX–XX вв., взявшим за основу опыт американской экспансии на Дальний Запад [Тёрнер, 2009]. Несмотря на то что уже вскоре после появления теория подверглась серьезной критике, она нашла немало последователей, в том числе и российских, применяющих наработки Тёрнера в изучении продвижения России в Поволжье, на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д. — порой даже проводя прямые параллели между освоением восточных территорий Россией и западных — Америкой (см., например: [Агеев, 2005; Резун и др., 2001]).

Соответственно, теория фронтальной модернизации, по сути, представляющая собой своеобразное «ответвление» теории фронта в сочетании с теорией модернизации, в настоящее время привлекает внимание исследователей, в том числе и Центрально-Азиатского региона. Она была сформулирована екатеринбургским историком И.В. Побережниковым, построившим на ее основе свое диссертационное исследование [Побережников, 2011б, с. 13], и нашла поддержку со стороны не только историков, но и ряда представителей историко-правовой науки. По тематике настоящей монографии можно отметить (помимо трудов И.В. Побережникова), в частности, работы А.Ю. Быкова, А.Г. Вишневого, Е.В. Дорджиевой, Т.В. Котюковой, В.И. Султановой [Быков, 2003; Вишневский, 1996; Дорджиева, 2008; Котюкова, 2015; Султанова, 2012].

Однако, как уже отмечалось, необходимо рассматривать процессы фронтальной модернизации, обеспечиваемые Россией в Центральной Азии, в контексте модернизации самой Российской империи, в особенности в ее правовой сфере. Поэтому в процессе исследования автор в значительной степени опирался на труды исследователей государства и права России, изучающих процессы политической и правовой модернизации Российской империи как раз в тот период, которому посвящена настоящая монография. Наиболее востребованными в рамках такого подхода являются труды А.А. Дорской, Г.А. Жолобовой, С.В. Лонской, М.В. Немытиной, А.С. Тумановой. Также большой интерес представляют собой исследования, посвященные истории отдельных имперских административных и правовых институтов, которые активно внедрялись и в Центрально-Азиатских регионах, подконтрольных России, — к ним можно отнести труды С.Н. Жарова, Н.С. Нижник и др.

Цель настоящей монографии — показать, что Российская империя стремилась проводить в подконтрольных ей регионах Центральной Азии (в том числе и в среднеазиатских протекторатах) политику фронтальной модернизации, постепенно повышая их экономический, правовой и культурный уровень с целью постепенной интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Таким образом, говорить о «колониаторской» политике России в Центральной Азии с позиций XIX–XX вв. представляется неактуальным, поскольку современный уровень науки дает возможность исследовать российскую имперскую политику в этом регионе не в узких рамках колониационного или классового подходов, а с учетом различных критериев, позволяющих провести всесторонний анализ имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы³.

Юридическими источниками о правоотношениях Бухары и Хивы с Россией являются в первую очередь, конечно же, договоры и соглашения Российской империи с этими государствами. Главное место среди них, безусловно, занимают мирные договоры Российской им-

---

³ Развитие некоторых идей автора настоящей монографии, а также выявление ряда новых направлений исследования модернизационных процессов, осуществлявшихся Российской империей в среднеазиатских ханствах с привлечением в том числе и архивных материалов нашло отражение в недавней публикации [Лысенко, Гончаров, 2017].

перии с Бухарским эмиратом 1868 г. и Хивинским ханством 1873 г., а также договор о дружбе между Россией и Бухарой 1873 г.: именно эти документы, Несмотря на то что формально регламентировали преимущественно торговые отношения между сторонами, фактически явились правовой основой отношений «сюзерен — вассал» между Россией и среднеазиатскими ханствами. Эти акты многократно публиковались в сборниках международных договоров, а также в качестве приложений к исследовательским работам (см., например: [Национальная политика, 1999; Ремез, 1922; Сборник, 1902; 1952]). Известен также ряд документов по отдельным вопросам взаимодействия Российской империи с ханствами Средней Азии — в частности, проанализированная в настоящем исследовании серия правовых актов о регулировании производства и продажи алкогольной продукции в Бухарском эмирате, о включении эмирата в русские таможенные границы, о фиксации курса местной валюты — танги [Жуковский, 1915, с. 191–196] и т.п.

В меньшей степени исследователями задействованы рапорты и отчеты российских чиновников, отвечавших за контакты с властями Бухарского эмирата и Хивинского ханства, решения органов центральной власти относительно дальнейших преобразований в Бухаре и Хиве. Большое число таких документов (отчетов о командировках, аналитических записок и проч.) вошло в многотомное собрание «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшееся Главным штабом под грифом «Секретно» (всего за 1883–1914 гг. было издано 87 выпусков и 9 дополнений). Некоторые документы подобного рода были опубликованы также и в последнее время (см., например: [Арапов, 2002; Арапов, Котюкова, 2006; Бухерт, 2002а; 2002б; 2003а; 2003б; 2011; Туркестан, 2016]). Определенное количество таких источников вошло в тематические сборники, на первый взгляд, не относящиеся к истории отношений Российской империи с ханствами Средней Азии. Так, например, отдельные документы переписки российской администрации Туркестана с чиновниками в Бухаре и Хиве вошли в сборники, посвященные восстанию 1916 г. в Казахстане и Средней Азии [Восстание, 1960; 2016].

Большой интерес представляет также переписка между российскими имперскими властями (центральными и туркестанскими) и высшими органами власти Бухарского эмирата и Хивинского хан-

ства. Формально не имея права воздействовать на правовую политику среднеазиатских монархов, представители российских властей направляли им специальные послания, содержащие «рекомендации» по внесению изменений в законодательство, систему управления, регулирование экономических отношений. Бухарский же эмир и хивинский хан исполняли эти «рекомендации», издавая собственные указы (ярлыки) и распоряжения — в результате создавая впечатления, что инициатива преобразований исходила от них самих. Такие документы периодически публикуются (см., например: [Искандаров, 1958, с. 127–131; Халфин, 1975б, с. 77–126; Столыпин, 2003]) или цитируются в соответствующих исследованиях. Однако гораздо большее число их до сих пор не опубликовано и хранится в Центральной государственном архиве Республики Узбекистан (фонды «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», «Канцелярия Русского политического агентства (Бухара)», «Канцелярия хивинского хана»)⁴.

Взгляд на отношения Российской империи с ее протекторатами «с другой стороны» представлен в исторических сочинениях бухарских, хивинских и кокандских авторов, которые высказывают свои оценки относительно действий русских властей и войск в Средней Азии, оценивают проводимые преобразования. Среди таких авторов можно назвать, в частности, Абдал-Азима Сами, Ахмада Дониша, Садриддина Айни, Нияз-Мухаммада Хоканди, Мирзу Салимбака и др.

Ценными источниками неюридического характера являются свидетельства современников — российских чиновников, осуществлявших деятельность в Средней Азии, иностранных дипломатов и путешественников. Первые две категории этих источников, на наш взгляд, следует использовать с определенной степенью критичности: представители бухарской или хивинской элиты, конечно же, считали, что Россия чрезмерно вмешивалась во внутренние дела их государств, тогда как русские чиновники, озвучивая в своих работах официаль-

---

⁴ Большая работа по введению документов из архива ЦГА РУз была проведена группой узбекистанских, английских и немецких ученых, осуществляющих оцифровку и публикацию в Интернете электронных версий документов, а также статей из дореволюционных периодических изданий по истории Средней Азии и Кавказа в имперский период в рамках проекта «Зеркала» (Zerrspiegel). <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>.

ную позицию властей, напротив, склонны были утверждать, что такое вмешательство было минимальным⁵.

В связи с этим свидетельства иностранных современников наиболее объективно отражают российское влияние на государственность и право Бухары. Во-первых, европейцы или американцы, лично побывавшие в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, неоднократно были вынуждены сталкиваться с проблемами правового характера и отмечали примеры российского влияния в конкретной ситуации. Во-вторых, многие путешественники являлись иностранными разведчиками, поэтому фиксировали именно реальное положение дел — в отличие от официальной российской или среднеазиатской документации. Исследователи истории Бухары и Хивы в период российского протектората уже давно высоко оценили свидетельства западных современников, однако как источник сведений о правовом развитии этих ханств под русским влиянием, они до сих пор не использовались. В начале XX в. были опубликованы записки, в частности, С. Грэхэма, У.Э. Кертиса, Г. Нормана, О. Олуфсена, У.Р. Рикмерса — все они содержат важные, хотя и лапидарные сведения о правовом развитии Бухары и Хивы под российским влиянием.

Еще одна группа источников — дневники и мемуары российских чиновников, имевших прямое отношение к формированию и правовому регулированию отношений Российской империи с протекторатами. Ценность их, по сравнению с официальной документацией, заключается в том, что при написании этих сочинений авторы уже не были связаны официальной позицией властей и, соответственно, могли излагать информацию и суждения более объективно. В качестве примера можно привести дневники и воспоминания военного министра Д.А. Милютина, записки первого русского политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова, дневник последнего туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, воспоминания туркестан-

---

⁵ Впрочем, нельзя однозначно обвинять российских авторов, отражающих ситуацию в современных им Бухаре или Хиве, в полной необъективности. Напротив, в то время их сведения оценивались весьма высоко. Так, например, книга вышеупомянутого Д.Н. Логофета «Страна бесправия» (в общем-то, имевшая научно-публицистический характер) привлекалась в качестве источника руководством российской имперской администрации в Туркестане для выработки плана дальнейших преобразований в Бухарском эмирате [ЦГА РУз, Ф. И-2, оп. 31, д. 251, л. 29 и след.].

ского чиновника С.В. Чиркина, также одно время исполнявшего обязанности политического агента в Бухаре, и др.⁶

Наконец, небезынтересны и публикации в российской прессе второй половины XIX — начала XX в., отражающие как официальную, так и оппозиционную точку зрения относительно российских завоеваний в Средней Азии и дальнейшего выстраивания отношений с Бухарой и Хивой (см. подробнее: [Брежнева, 2011; Почекаев, 2014]). Огромная работа по сбору этой информации была проделана составителями «Туркестанского сборника» — уникальной подборки материалов о Туркестанском крае и соседних странах и регионах, публиковавшейся в прессе и в виде отдельных изданий. Он насчитывает 594 тома, изданных в 1867–1916 гг. (три последних были изданы в 1939 г.) и содержащих более 5 тыс. названий (книг, газетных и журнальных статей, иллюстраций, карт)⁷. В рамках настоящего исследования наибольшую ценность представляет именно подборка публикаций о политике Российской империи в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в., печатавшихся в самых различных газетах и журналах — начиная от правительственных «Военного сборника» и «Русского инвалида» до либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русского вестника» и консервативного «Русского мира».

Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительная база источников, анализ которых позволяет проследить различные направления российского влияния на правовое развитие стран и регионов Центральной Азии, равно как и обширная историография, критический анализ которой также представляется целесообразным для решения задач, определенных в рамках настоящего исследования. Привлечение результатов ранее проведенных исследований и современных концепций развития отношений России с азиатскими народами и государствами позволили существенно повысить эффективность исследования.

---

⁶ Записки российских и западных современников, побывавших в Бухаре и Хиве в эпоху протектората, подробно проанализированы нами в рамках специального исследования [Почекаев, 2019, с. 232–269].

⁷ Единственный оригинальный экземпляр «Туркестанского сборника» хранится в собрании Государственной библиотеки Узбекистана им. А. Навои (Ташкент), однако в настоящее время он оцифрован и присутствует (полностью или частично) на ряде сайтов сети Интернет.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru